

Секция «Социология»

Социальное действие и утопия

Карасёв Дмитрий Юрьевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: DK89@mail.ru

Уже во второй половине двадцатого столетия с осознанием кризиса социологии пришло понимание того, что социальная наука представляет собой не более чем совокупность разрозненных теоретических школ, их теорий и понятий. Этой ситуации разобщённости картин социальной реальности, отражённой во множестве синонимичных понятий, обозначающих «социальное действие» и посвящён доклад. В основе размышлений, представленных в докладе, лежит противоречие теоретической социологии, требующей ради строгости анализа отдельного рассмотрения социального действия, социальных институтов и социального изменения, в то время как практически разделить их едва ли возможно. По сути, речь идёт о предложении переосмыслить основной парадокс классической социологии об одновременном изменении и стабильности общества теперь уже в категориях социального действия. Ведь социальное действие или является институтом, в смысле повторяемости и стабильности, или является изменением, в этом случае оно выступает неповторимым.

В наследство от теоретических школ классической социологии, нам досталось множество понятий, для обозначения примерно одного и того же: социальное действие, социальная интеракция, социальная практика, реакция и даже дискурс (если речь идёт о морально-коммуникативном действии). Однако, основных понимания социального действия, как было указано выше, – всего два. Первое понимание социального действия как изменения укоренено в традиции понимающей социологии и либерализме. Второе понимание действия как повторение, порядок, поддержание образца мы находим в позитивизме или структурном функционализме, который так же может быть охарактеризован как консерватизм. Эти два понимания автор доклада предлагает зафиксировать в соответствующих категориях: социальное действие и социальная практика. Или как это делает Ульрих Бек: действие согласно «логике ожидаемых последствий», вытекающие из рационального поведенческого расчета, и действие согласно «логике соразмерности», обусловленное структурно, как продукт власти, ролей, идентичности.

Далее в докладе, опираясь на метод разделения перспективы действительности (действия) и её осмысления, рефлексии (мышления) указывается на вероятное соответствие социального действия утопическому типу мышления и социальной практике идеологическому типу мышления. При этом понятия «утопия» и «идеология» берутся в рамках их понимания немецкой социологической традицией, в частности в рамках понимания Маркса, Мангейма, Дарендорфа и Бека.

Естественно, что идеология берётся не в «частичном» понимании, как ложное классовое сознание оппонента. Но во «всеобщем», как взгляд на изменяющуюся действительность, тип мышления тесно связанный с определённой ситуацией в прошлом и потому не адекватно отражающий действительность. Утопический взгляд или мышление, напротив, настолько связан с наступлением желательного будущего, что постоянно отрицает,

недооценивает стабильность настоящего. И идеология, и утопия, как виды группового сознания едины в ложности, неадекватности представления настоящего. В то время как настоящее, в данной социологической темпоральности, представляется в виде изменяющейся социальной структуры. И едва ли возможным истинным сознанием, было бы правильное определение места субъекта (будь то группа или индивид) в социальной структуре в данный момент времени с трезвым осознанием непреодолимой зависимости восприятия от этого положения.

Таким образом, идеологическое сознание недооценивает изменение в социальном действии, а утопическое – повторение или стабильность.

Далее для описания закономерности, выведенной Мангеймом в «Идеологии и Утопии», о стремлении каждой утопии к превращению в идеологию, автор доклада приводит термин Бека «утопический потенциал». «Утопическим потенциалом» идеи будем считать её способность изменить действительность на пути её превращения в идеологию, лишённую всяко способности менять действительность. При этом несмотря на отсутствие всякого «утопического потенциала» у идеологий, последние обладают гигантской стабилизирующей способностью, способностью контролировать отклоняющиеся флуктуации. Такое свойство отыгравшей своё идеи можно по аналогии назвать «идеологическим потенциалом». Нетрудно сделать заключение об обратном соотношении «утопического» и «идеологического» потенциалов, напоминающее закон обратного соотношения кинетической и потенциальной энергии в физике. Этот вывод имеет интересное следствие для теории социального изменения: он означает фиктивность проектов будущего, опирающихся на идеологии. Бауман назвал это «дерегуляцией прогресса», когда не каждое изменение может считаться инновацией, не говоря уже о позитивном или негативном характере последнего.

Что касается места современности в истории идей, то мы имеем напластование ряда идеологий (или современность, заряженную огромным запасом стабильности идеологического потенциала) и, соответственно, отсутствие в обозримой перспективе какой-либо идеи с не израсходованным «утопическим потенциалом» – такое состояние Фукуяма назвал «концом истории». Такой диагноз заставляет историков, а так же любителей классового анализа судорожно отыскивать действующий класс или целую действующую страну (если речь о «Мирсистеме»). Встаёт вопрос о исчерпанности «утопического потенциала» марксизма. Ответ автора на этот вопрос утвердительный.

Возвращаясь к социальному действию необходимо заметить, что следуя веберянскому выделению четырёх идеальных типов действия, тому, что понимается под «социальной практикой», соответствуют три: ценностнорациональное, аффективное и традиционное. Подлинно «Социальному действию» соответствует только целерациональное действие в силу ориентации его на цель, как на достижение желаемого состояния социальной действительности, что, по сути, вполне утопично. Рационализация, как социальный прогресс в частности в сфере социального действия видится Веберу доминированием целерационального действия над другими типами действия, что соответствует доминированию утопии в проектах будущего над идеологией, или доминированию социального изменения над социальным порядком.

Приведённые выше рассуждения, не останавливаются на социальном действии. Они так же имеют последствия для таких констант социологического анализа, как ценности, идентичность, социальная структура. Актуальным, но не вполне социологическим

автору доклада представляется вопрос о происхождении и генезисе утопий.

В качестве вывода предлагается обратиться к тезису Вебера о «вечной молодости социальных наук» сквозь призму понятия «утопического потенциала». Как и в истории идей, в социологии накопившийся «идеологический потенциал» школ классической социологии налицо. Неужели социология состарилась? Как ответ на этот и некоторые другие вопросы, представляется идея космополитизма с ещё не израсходованным утопическим потенциалом. Однако её утопический потенциал иного рода. Речь о негативной утопии (или антиутопии), как о искажённом представлении действительности, под действием представлений о будущем, которого хочется избежать. Какой тип действия породит эта идея?